

© 2024. И. А. Беляева

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук
г. Москва, Россия

Русские отражения истории о Белакве: Тентетников, Обломов, Лаврецкий

Аннотация: В статье рассмотрены образы трех помещиков — Тентетникова из второго тома «Мертвых душ» Н. В. Гоголя, Обломова из одноименного романа И. А. Гончарова и Лаврецкого из «Дворянского гнезда» И. С. Тургенева, — которые выделяются среди литературных представителей этой социальной группы общим ключевым свойством — ленью. Традиционно этих персонажей принято сближать на основе принадлежности к типу «лишнего человека», но это не проливает свет на причины их сходства. В статье предлагается искать его основания в общем литературном источнике, которым является «Божественная Комедия» и, в частности, в образе ленивого Белаквы из второй кантики. В этой связи важным является посредничество С. П. Шевырева, чье толкование Данте оказало влияние на Гоголя и Гончарова. В сочинениях писателей присутствует интерпретация преступной в духовном плане ленивой апатии. Белаква не спасается потому, что ленится спастись. Ответственность за пробуждение лежит на самом человеке — эта дантовская мысль оказалась близкой и Гоголю, и Гончарову. В случае с Лаврецким мы имеем дело уже с посредничеством Гончарова в адаптации дантовских идей.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, С. П. Шевырев, Данте, «Божественная Комедия», русский роман.

Информация об авторе: Ирина Анатольевна Беляева, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия, Ленинские горы, 119991 г. Москва; ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2840-4034>

E-mail: belyaeva-i@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 10.03.2024

Дата одобрения статьи рецензентами: 31.03.2024

Дата публикации статьи: 25.06.2024

Для цитирования: Беляева И. А. Русские отражения истории о Белакве: Тентетников, Обломов, Лаврецкий // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 2. С. 82–111. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-2-82-111>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 6, no. 2, 2024, pp. 82–111. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 6, no. 2, 2024, pp. 82–111. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2024. Irina A. Belyaeva

Lomonosov Moscow State University

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Russian Reflections of the Story of Belakva: Tentetnikov, Oblomov, Lavretsky

Abstract: The article examines the images of three landowners — Tentetnikov from the second volume of “Dead Souls” by N. V. Gogol, Oblomov from the novel of the same name by I. A. Goncharov, and Lavretsky from “The Noble Nest” by I. S. Turgenev — which stand out among the literary representatives of this social group have a common crucial property — laziness. Traditionally, these characters are usually brought together based on belonging to the “superfluous person” type, but this does not shed light on the reasons for their similarities. The article proposes to look for its foundations in a general literary source, which is the “Divine Comedy” and, in particular, in the image of the lazy Belacqua from the second cantica. In this regard, the mediation of S. P. Shevryev, whose interpretation of Dante influenced Gogol and Goncharov, is significant. In the works of writers, there is an interpretation of spiritually criminal lazy apathy. Belacqua is too lazy to save himself. The responsibility for awakening lies upon the person himself — this Dantean idea appeared close to both Gogol and Goncharov. In the case of Lavretsky, we are already dealing with Goncharov’s mediation in the adaptation of Dante’s ideas.

Keywords: N. V. Gogol, I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, S. P. Shevryev, Dante, “The Divine Comedy,” Russian novel.

Information about the author: Irina A. Belyaeva, DSc in Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 119991 Moscow, Russia; Leading Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2840-4034>

E-mail: belyaeva-i@mail.ru

Received: March 10, 2024

Approved after reviewing: March 31, 2024

Published: June 25, 2024

For citation: Belyaeva, I. A. “Russian Reflections of the Story of Belakva: Tentetnikov, Oblomov, Lavretsky.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 6, no. 2, 2024, pp. 82–111. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-2-82-111>

Вопрос об исключительном сходстве двух героев — Тентетникова из второго тома «Мертвых душ» Н. В. Гоголя и Обломова из одноименного романа И. А. Гончарова — давно привлекает исследователей. Утвердилось представление, согласно которому история Тентетникова — своего рода «воспитательный роман в миниатюре» [Краснощекова 1997: 234]. У Гончарова же эта миниатюра, включая основные элементы мотивной структуры и событийности, развернута в объемное повествование об Обломове. Между тем основания этого сходства до сих пор точно не определены.

Сближение Лаврецкого из романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» с двумя вышеназванными персонажами также проводилось, правда в широком контексте темы так называемых «лишних людей». Гоголевский вариант этого типа, «огорченный человек», каким он представлен в образе Тентетникова, «связывает собой целую плеяду <...> “лишних людей” — Онегина, Печорина, героев Чернышевского, Достоевского, Тургенева», — справедливо отмечает современный исследователь [Виноградов: 193]. Что касается Лаврецкого и Обломова, то сам Гончаров более находил сходство героя Тургенева со своим Райским¹, хотя исследователи сейчас убедительно усматривают общее

¹ Едва ли не единственным исключением можно считать одно признание из «Необыкновенной истории». Гончаров вспоминал, что одна «маленькая картинка из “Обломова”» появилась у Тургенева «где-то <...>, не помню в какой повести». Речь идет о сцене, когда Обломов «сидит в парке, в ожидании Ольги, и всматривается кругом, как все живет и дышит около него — на деревьях, в траве — как бабочки в вальсе мчатся попарно около друг друга, как жужжат пчелы, что ли, и т. д. — вся картинка, как есть!» [Гончаров 2000: 202]. Комментаторы точно не могут определиться с сочинением Тургенева, которое имел в виду Гончаров. Называются «Вешние воды». Однако и в «Дворянском гнезде» этому эпизоду созвучна знаменитая XX глава, когда Лаврецкий вслушивается в тишину и находит там неспешную деятельность природного мира.

в романах Тургенева 1850-х гг. именно с «Обломовым», а не только с «Обрывом»¹. Однако прямых параллелей между персонажами пока не проводилось. Сама проблема лишь намечается как задача для будущего изучения. Но если признать, что Тургенев находился под определенным влиянием романских идей Гончарова, прошел, как считают некоторые специалисты, своего рода «гончаровскую школу» [Недзвецкий: 163; Мельник 2020] во второй половине 1850-х гг., когда не только складывался «план» «Обрыва», но и создавался основной корпус текста романа «Обломов», то нельзя не предположить вероятность и более тесных переключек между его Лаврецким и Обломовым.

Тентетников, Обломов и Лаврецкий, как нам представляется, обнаруживают определенное сходство не только как «лишние люди», особенно если учитывать негативное отношение, например, Гончарова к именованию его героя «лишним»², или принципиальное отличие тургеневского «истинно лишнего человека» от большой типологической ветви персонажей, получивших впоследствии это именование [см.: Манн 2008]. Их определенно объединяет социально-экономический статус — они помещики, которые показаны в ситуации, когда они не способны быть радивыми хозяевами как на своей земле, так и в своей собственной жизни именно в силу лености, или «байбачества». Для каждого из этих персонажей важно, чтобы рядом появился некий внешний помощник, кто сказал бы им «бодрящее слово: *вперед*» [Гоголь 1951: 23], «теперь или никогда» [Гончаров 1998: 182, 185, 186, 187, 265, 388], или «ни минуты отдыха, ни секунды!» [Тургенев: 77]. Они нуждаются непременно в руководстве со стороны учителя или друга и вдохновляются «подругой жизни» на труд (отсюда важен эксплицитно

¹ «...Романы Тургенева очевидно следует сопоставлять не с планом ненаписанного «Обрыва», а прежде всего с «Обломовым», — полагает Н. Ф. Буданова и тут же замечает, что «здесь много <...> точек соприкосновения», но «пока еще это задача будущего» [Гончаров 2000: 187].

² Гончаров однажды «прочитал в газетах», что один немецкий критик написал «в каком-то немецком журнале (Rundschau) (?) отзыв об Обломове и между прочим относит его к *лишним людям*», что и огорчило, и возмутило писателя. «Вот и не понял!», — заметил он в письме к П. Г. Ганзену от 9 февраля 1885 г., поскольку, по его мнению, «*лишних людей* полна вся русская толпа, скорее *не-лишних* меньше», т. е. таких, как его Обломов [Гончаров 1977–1980. 8: 476].

выраженный или только намеченный, как у Гоголя, любовный мотив), который есть одновременно основа внутреннего движения, что определяет мотивную структуру и событийность историй этих персонажей.

Тентетников, Обломов и Лаврецкий представляют собой группу помещиков среди многочисленных вариаций этого центрального для русской литературы образа [Спаченко 2008; Сапченко 2010], которых можно условно назвать «ленивыми». Всем остальным помещикам леньность может быть свойственна, но только как сопроводительное, дополнительное качество. Согласно Л. А. Сапченко, русская литература XVIII–XIX вв. изображала, например, благоденствующего помещика в идиллии, утопии и наставлении, подчас представляла его «бесплезным» или «смехотворным» в сатире, не умеющим хозяйствовать¹ в рассказе и повести [Сапченко 2019: 108]. И даже если посчитать эту классификацию далеко не исчерпывающей, леньность для большинства персонажей-помещиков, довольных своим хозяйством или не умеющих хозяйствовать, едва ли можно считать конститутивным признаком. Например, комические вариации типа, которые читатель встречает у Гоголя в широкой галерее его помещиков, выстроены так, что почти каждый помещик имеет свой «задор» — накопительства или расточительства, — сочетаемый с ленью только отчасти. Некоторые гоголевские помещики, как Платонов, скучают, но не ленятся «поездить» «по святой Руси» [Гоголь 1951: 54, 91].

То же можно сказать и о пушкинском Ленском, к «обыкновенному уделу» которого принято возводить образ Обломова². Однако у Пушкина в романе нет указаний на то, что леньность может стать для его героя в перспективе духовной проблемой, которой он потенциально будет тяготиться. Сходство Ленского и Обломова определяется разве что «стеганым халатом». При этом пушкинский герой, если его ждет перспектива «обыкновенного удела», может быть вполне счастлив и не испытывать мучительной, порожденной внутренними вопросами апа-

¹ Причины неумения вести хозяйство могут быть самые разные.

² «Герой “Обломова” <...> кончает жизнь по одной из “схем” возможной судьбы Ленского» [Краснощекова 1997: 294]. Как известно, первая и четвертая части романа Гончарова, где описывается, как Обломов «кончает жизнь», представляют героя в состоянии ленивого сна, хотя качество сна принципиально различается: в первом случае еще чреват пробуждением, во втором — нет.

тии. Другие ближайшие источники образа Обломова, которые также назывались в исследовательской литературе, были не менее далеки от духовно-проблемной ситуации, возникающей вокруг «сна души» гончаровского героя. Пересечения есть, но они отдаленные. Например, упоминался Владимир, герой поэмы А. Н. Майкова «Две судьбы», обосновавшийся в финале в своем поместье и сосредоточенный на гастрономических удовольствиях [Краснощекова 1997: 235; Цейтлин: 426], или же помещик Павел Алексеевич Игривый из одноименной повести В. И. Даля [Краснощекова 1997: 235]. Оба они, полные сил и жаждущие вначале деятельных преобразований в своем хозяйстве, как в случае с героем В. И. Даля, завершают свою жизнь апатично, что даже дало основания А. Г. Цейтлину объяснять интерес многих русских писателей середины XIX в. «к помещицкому байбачеству <...> ростом антикрепостнических настроений в русском обществе» [Цейтлин: 153]. В любом случае лень — не первопричина, а итог, согласно художественной логике Майкова или Даля, несостоявшейся судьбы их героев. У Гоголя, Гончарова и Тургенева читатель обнаруживает иную художественную логику.

В случае с Тентетниковым, Обломовым и Лаврецким душевному сну предшествовал этап движения, надежд, исканий, но одновременно он был своего рода исходной точкой для нового, истинного пути. Лень таила в себе внутренний разлад или «огорчение», как пишет И. А. Виноградов о Тентетникове, который являлся причиной социальной беспомощности героя-помещика. Однако пребывание как бы между бытием и небытием должно было непременно разрешиться — или вечным сном, или новым состоянием — пробуждением, что более всего и занимало писателей. «Душа его, — читаем у Гоголя о Тентетникове, — и сквозь сон слышала небесное свое происхождение» [Гоголь 1951: 14]¹.

¹ Гончаров считал, что картина «Пробуждения» представлена в его «Обрыве», а во «второй картине русской жизни», которую он именует «Сном», он рисует Обломова, «нигде не пробудив». «Только «Штольц время от времени подставлял ему зеркало обломовской бездонной лени, апатии, сна. Он истощил, вместе с Ольгой, все силы к пробуждению его — и все напрасно» [Гончаров 1955: 76, 78]. Аналогии сменяющих друг друга картин жизни, вполне вероятно, заимствованы писателем из трактовок С. П. Шевыревым трех этапов человеческого пути, представленных Данте в «Божественной Комедии», а именно «вечной пагубы лю-

Самой главной задачей было преодоление лености, сна, обретение интереса к своим помещичьим обязанностям, воли для того, чтобы хозяйствовать на своей земле, нести ответственность за вверенных крестьян. Эти благодатные метаморфозы могут произойти под влиянием мудрого наставничества и любви. Такая система событий и мотивная организация отличает повествование о Тентетникове у Гоголя и об Обломове у Гончарова. Затем смежные идейно-художественные решения будут востребованы и Тургеневым в «Дворянском гнезде». Нужно сказать, что из трех вышеназванных героев пробуждение коснется только Лаврецкого. Тентетников и Обломов не смогут преодолеть леность и пробудиться ото сна к новой жизни.

Другой, не менее важный аспект в рамках проблемы сходства Тентетникова, Обломова и Лаврецкого и сюжетно-событийных переключек, которые возникают при повествовании о ленивом помещике у Гоголя, Гончарова и Тургенева, заключается в вопросе о первоисточнике, о том, кто из писателей первым стал разрабатывать этот сюжет. Хронологически романам Гончарова и Тургенева, увидевшим свет в 1859 г., предшествовала публикация отдельных глав второго тома «Мертвых душ» в 1855 г., т. е. напрашивается ответ, что вначале была история Тентетникова. Уже отмечалось, что исключительная близость Тентетникова и Обломова привлекала внимание как критиков XIX в., так и исследователей последующих десятилетий. Причем этот аспект всегда оказывался в центре дискуссий, когда речь шла о гоголевском влиянии на Гончарова¹, потому что без прямого влияния объяснить такое редкое сходство историй двух героев просто невозможно. Как отмечает В. А. Туниманов, автор комментария к академическому полному собранию сочинений и писем Гончарова, «вслед за Добролюбовым упоминание Андрея Ивановича Тентетникова рядом с Ильей Ильичом

дей», или «муки вечной и отчаянной», «муки, растворенной надеждою», которая сопровождает череду снов Данте в Чистилище, и «пробужденного от смерти» человечества в Раю [Шевырев: 166, 208, 205].

¹ Сам Гончаров влияние Гоголя на свое творчество не то чтобы отрицал, но не склонен был преувеличивать. В статье «Лучше поздно, чем никогда» он писал: «Пушкин, говорю, был наш учитель — и я воспитался, так сказать, его поэзией. Гоголь на меня повлиял гораздо позже и меньше; я уже писал сам, когда Гоголь еще не закончил своего поприща» [Гончаров 1955: 77].

Обломовым стало почти неизменным, чуть ли не обязательным, переключаясь из прижизненной Гончарову критики в литературоведение» [Гродецкая и др.: 201]. Но здесь исследовательская мысль сталкивалась с неразрешимой загадкой.

Если для современников связь Обломова и Тентетникова осмыслялась зачастую как преемственная, например, по мысли Д. В. Григоровича, «не будь Тентетникова, не было бы, может быть, и Обломова» [Григорович: 190], то в настоящее время уже очевидно, что этих героев нельзя рассматривать в линейном ключе: кто из персонажей появился раньше, а кто позже. Как отмечает В. А. Туниманов, «параллель Обломов — Тентетников, вполне закономерно возникшая у целого ряда критиков и исследователей, нуждается <...> в одной очень существенной коррекции: черновики первой и второй редакции поэмы Гоголя были изданы в 1855 г. <...>, а к тому времени образ Обломова уже сложился, и не только в общих чертах» [Гродецкая и др.: 202]. По сути, мы имеем дело с ситуацией довольно странной: очевидная параллель историй Тентетникова и Обломова в сочинениях Гончарова и Гоголя не подкрепляется прямыми контактами¹.

Е. А. Краснощекова вообще считает закрытым вопрос о прямом влиянии Гоголя на Гончарова в этой связи. Правда, исследовательница объясняет сходство историй Тентетникова и Обломова общей «влиятельной творческой тенденцией» [Краснощекова 1997: 235], которая сложилась в русской прозе 1940-х гг. и «опиралась на традиции просветительской литературы» [Краснощекова 1997: 236] и находит в этом влияние *Bildungsroman*. Но какого-то определенного литературного источника Е. А. Краснощекова не называет. В широкой типологической перспективе на ситуацию смотрит и С. Н. Гуськов, который счи-

¹ Конечно, нельзя не учитывать и того факта, что так называемое «мариенбадское чудо», которое случилось с Гончаровым летом 1857 г., когда за несколько недель был написан весь роман, существовавший, правда, до того едва ли не во всей своей полноте в творческом сознании автора, имело место уже после публикации новых гоголевских материалов. Но, как утверждает В. А. Туниманов, Гончаров, хотя и «хорошо знал вторую часть поэмы Гоголя» и «несколько раз упоминал в письмах» о ней — «особенно полюбившегося ему Петуха», о Тентетникове не писал никогда: упоминаний о нем «нет ни в произведениях, ни в письмах Гончарова» [Гродецкая и др.: 202].

тает, что у Гончарова произошла «реапроприация гоголевской схемы»: его Обломов представляет собой «историко-литературную “рифму”» Тентетникову. Такая «рифма» подразумевает следующий ход: «как сюжет “Мертвых душ” был подсказан Гоголю Пушкиным, так и собственно романный сюжет “Обломова” мог быть “подсказан” Гончарову Гоголем» [Гуськов: 127, 128]. Исследователь справедливо предполагает, что речь в данном случае едва ли стоит вести о прямом влиянии Гоголя на Гончарова, но имеет в виду воздействие более сложной природы. Хотя здесь «гоголевская схема» все же видится в качестве источника. Однако чувствуется своего рода уход от ответа, тогда как вопрос напрашивается сам собой: если «гоголевская схема» существовала как некая модель, то как мог Гончаров ею воспользоваться, ничего не зная о ней?

Можно констатировать, что сложилась тупиковая ситуация: сходство именно этих двух историй, Тентетникова и Обломова, есть, а объяснить его ученые не в состоянии. Единственный, по нашему мнению, путь понимания существующего феномена лежит немного в иной плоскости: вопрос должен решаться не типологически, а генетически. Решение проблемы литературного предшественника как минимум для Гоголя и Гончарова стоит искать в творчестве Данте, которое для обоих писателей представляло большой интерес и проходило не без влияния С. П. Шевырева, с которым оба они были знакомы.

В начале 1830-х гг. Шевыревым, который недавно вернулся из Италии и начинал свою ученую карьеру в Московском университете, был создан интереснейший труд о «Божественной Комедии»¹, который фактически стоял у истоков отечественной науки о Данте². В отсут-

¹ Первая публикация состоялась в Ученых записках Московского Императорского университета: *Шевырев С. П.* «Дант и его век: Исследование о Божественной Комедии» // Ученые записки Московского Императорского университета. 1833. № 5. С. 307–363; № 6. С. 509–543; 1834. № 7. С. 118–180; № 8. С. 336–373; № 9. С. 550–575; № 10. С. 117–155; № 11. С. 365–397.

² Комментаторы первого и единственного на сегодняшний день научного издания труда С. П. Шевырева полагают, что «сочинение “Дант и его век” позиционирует Шевырева как первого в России оригинального исследователя Данте в рамках конкретно-исторического метода изучения, как ученого, имеющего связь с последними достижениями современной ему европейской филологической науки» и замечают, что «его выводы сохраняют значение и в наше время» [Шевырев: 619].

ствии на тот момент переводов Данте на русский язык¹, пересказ Шевыревым во втором разделе («Изложение содержания Божественной Комедии») его пятичастного труда всех трех кантик поэмы Данте был очень важен. К тому же в этом пересказе были расставлены значимые акценты: на деталях, мотивах, образах и идеях Данте. Пересказ был ярким, запоминающимся, и выделенные ученым элементы приобретали дополнительную весомость. Шевырев вполне разделял идеи Шеллинга об особом значении «Божественной Комедии» для новых национальных литератур и говорил, как и немецкий философ, о центральной для книги Данте идее «восхождения» грешного человека к «созерцанию Бога» [Шевырев: 221]. Такой путь проходит, как известно, герой Данте — но он оказывается единственным спасенным среди многих неспасенных, к коим принадлежал и Белаква, один из многочисленных персонажей «Божественной Комедии», навечно пребывающий у подножия Чистилищной горы, потому что не может идти вверх один и не видит смысла в восхождении. Единственной причиной тому является, согласно Данте, лень.

На особое значение образа Белаквы как аллегии недеяния, выражающей первопричину всех пороков, Шевырев обратил в своем изложении «Божественной Комедии» особое внимание. Несмотря на то, что и Гончаров, и особенно Гоголь, были знакомы с дантовским текстом в оригинале или по французским переводам, посредничество Шевырева в их интересе к сюжету о Белакве нам представляется определенным.

Шевырева и Гоголя объединяли дантовские интересы. Прослеживая историю вовлеченности Гоголя в круг ценителей Данте в России², Ю. В. Манн отмечал, что поначалу «знакомство молодого Гоголя с творчеством итальянского писателя оставалось непрямым — через посред-

¹ Первый прозаический перевод первой кантики «Божественной Комедии» принадлежал Е. В. Кологривовой и увидел свет в конце 1842 – начале 1843 г. О влиянии этого перевода на активизацию интереса к Данте со стороны критиков и переводчиков см.: [Беляева 2020].

² Рассмотрены все этапы — от пребывания Гоголя в нежинской гимназии, которое совпало с началом популярности Данте в России, до чтения Гоголем «Божественной Комедии» в свой римский период [Манн 1996: 430–435].

ников», поскольку он еще не знал итальянского [Манн 1996: 432]¹. Одним из посредников, убежден исследователь, был именно Шевырев.

Другой важный момент в «дантовской» коммуникации Шевырева и Гоголя связан с возможностью знакомства последнего с текстом диссертации о Данте. Гоголь, по мысли Ю.В. Манна, не мог не интересоваться историей Данте как поэта и гражданина уже в середине 1830-х гг., поскольку, будучи адъюнкт-профессором кафедры всеобщей истории в Петербургском университете с июля 1834 г. по декабрь 1835 г., преподавал и итальянскую историю времен Данте. Потому в интересах дела он мог обратиться к уже изданной в Москве диссертации Шевырева². Лично в тот момент со своим московским коллегой Гоголь не был знаком, хотя, как отмечает Ю. В. Манн, «в интересах точности добавим, что подтверждений этому у нас нет» [Манн 1996: 433]. Однако вероятно, что уже с момента публикации работы «Дант и его век» (1833–1834) исследование Шевырева привлекло к себе внимание Гоголя.

Далее Шевырев будет зримо и незримо присутствовать в сфере дантовских интересов Гоголя. Ю. В. Манн убедительно показал, что «на рубеже 1838–1839 гг. намечается важная веха в истории отношений русского писателя к Данте» [Манн 1996: 433]. Гоголь живет в Риме, продолжает работать над «Мертвыми душами», много общаясь в этот момент (с декабря 1838 по апрель следующего года) с Шевыревым. Разговоры, видимо, строятся вокруг возможного повествования «Мертвых душ»³. Известно, что Шевырев направил Гоголю фрагменты своих

¹ История вопроса «Гоголь и Данте» представлена в работе А. Х. Гольденберга [Гольденберг].

² Работа о Данте была написана Шевыревым в виде диссертации для получения должности адъюнкт-профессора [см.: Шевырев: 616].

³ После отъезда Шевырева Гоголь «пишет ему прямо-таки торжественные строки» [Манн 1996: 433]. «Дело в том, — продолжает Ю. В. Манн, — что Шевырев в недошедшем до нас письме сообщил, что он переводит “Божественную комедию”. Гоголь 10 сентября (н. ст.) отвечает: “Ты за Дантом! ого-го-го-го! и об этом ты объявляешь так, почти в конце письма... Но не совестно ли тебе, не приложить в письме двух-трех строк? Клянусь моим честным словом, что желание их прочесть у меня непреодолимое!” Новость, сообщенная Шевыревым, упала на подготовленную почву: гоголевский интерес к Данте уже пробудился. 3 июня (н. ст.) 1837 г. Гоголь в письме Прокоповичу из Рима обронил фразу, которую можно истолковать таким образом, что он уже пробовал читать Данте

переводов, а тот их оценил высоко: «Прекрасно, полно, сильно!» [Гоголь 1952: 251] — и благословил на дальнейший труд. В любом случае в период интенсивной работы Гоголя над «Мертвыми душами» обсуждение Данте с Шевыревым было для него не просто плодотворным, но решающим в деле окончательного определения телеологической задачи его книги.

Влияние историко-литературных трактовок Шевырева на Гончарова признавалось самим писателем. Шевырев был одним из его любимых университетских профессоров, о которых Гончаров вспоминал с любовью и признавался в том, что «долго без таких умных истолкователей пришлось бы нам (студентам. — *И. Б.*) потом самостоятельным путем открывать глаза на библейских пророков, на произведения индийской поэзии, на эпопеи Гомера, Данта, на Шекспира — до новейших, французской, немецкой, английской литератур, словом — на все, что мы читали по их указанию тогда и что дочитывали после них» [Гончаров 1977–1980. 7: 245–246]. Данте назван Гончаровым в ряду великих поэтов, ключ к пониманию которых давали профессора, а студенты уже следовали за ними. И если учесть, что Шевырев всегда свои лекции «читал по рукописи» [Гончаров 1977–1980. 7: 245], то с большой долей вероятности можно предположить, что Гончаров слушал именно то, что было опубликовано в Ученых записках Московского университета в виде диссертации о Данте. Собственно же интерес Гончарова к Данте и даже определенная ориентированность романиста на сверхзадачу «Божественной Комедии» еще недавно в исследовательской среде казалась невероятной, хотя общий контур сближений романной трилогии Гончарова и тройственной поэмы Данте был намечен еще В. В. Чуйко [Чуйко] в 1890-е гг. В последнее время дантовский вектор в интерпретации романной прозы Гончарова получил новые обоснования [Беляева 2016; Калинина 2012; Мельник 2021]. А его романы, каждый в отдельности на микроуровне, и романная трилогия в целом на макроуровне подчинены истории возможного спасения современного

в оригинале («После итальянских звуков, после Тасса и Данта, душа жаждет послушать русского»). В указанный же период римской жизни этот интерес усилился еще больше: именно в это время Шевырев работал над своим переводом (под первой публикацией 2-й и 4-й песен в «Москвитяине», 1843, № 1 — помета: «Рим. 1839»). Наверняка он вел с Гоголем беседы о Данте и его творении...» [Манн 1996: 433].

человека и даже выдержаны с учетом трехчастной структуры, отчасти напоминающей дантовские Ад, Чистилище и Рай [см.: Беляева 2007; Беляева 2016; Мельник 2008; Мельник 2021].

У исследователей возникал вопрос о времени знакомства Гончарова с «Божественной Комедией» и о владении писателя итальянским языком. Сам Гончаров признавался, что итальянского он не знал, но знаком был с Данте как минимум по французским переводам¹ и вначале, наиболее вероятно, именно в пересказе Шевырева. Определенный интерес к итальянской и дантовской тематике существовал и в доме Майковых, в который Гончаров был вхож в середине 1830-х гг. С Ап. Н. Майковым он позже обсуждал дантовские смыслы его поэмы «Сны», которая довольно прохладно была встречена читателями, когда вышла в первой книжке «Русского слова» за 1859 г. в несколько урезанном цензурой виде². В целом если говорить об известных к настоящему моменту письмах Гончарова, то Данте он практически не упоминает, об истории Белаквы тем более, но в данном случае должно учитывать тип личности писателя, который не склонен был к откровениям, особенно если это касалось внутренних мотивов творчества.

¹ Можно предположить, какие издания были доступны Гончарову: по утверждению специалистов, «русским читателям пушкинской поры были известны французские переводы Ж.-Ж. Мутоннэ де Клерфона (1776), А. Арто де Монтора (1811–1813 гг., 1828–1830 гг.), А. Дешана (1829 г.) и появившийся немного позже перевод в прозе О. Бризе (1840 г.)» [Мошонкина: 115].

² Гончаров присутствовал при чтении «Снов» узкому кругу знакомых в октябре-ноябре 1855 г., еще до публикации поэмы, и писал Е. В. Толстой 20 октября 1855 г., что у Майкова «сказанное в дантовском тоне <...> выходит величаво-мрачно и правдиво» [Письма Гончарова: 228]. А после выхода «Снов» в печати Гончаров напишет своему бывшему ученику не только с утешением, но и с пониманием: «Вы хотите, чтоб я сказал о Вашей поэме правду, да Вы ее слышали от меня и прежде. Я, собственно я — не шутя слышу в ней Данта, то есть форма, образ, речь, склад — мне снится Дант, как я его понимаю, не зная итальянского языка. Но говорят о нем — скажу откровенно — мало, даже не помню, говорили ли что-нибудь печатно. Причина этому, конечно, Вам понятна: поэма не вся напечатана, из нее вырезано сердце, разрушена ее симметричность, словом, она искажена и со стороны архитектуры, и со стороны мысли...» [Гончаров 1955: 315].

Таким образом, и Гоголь, и Гончаров, лично не знавшие друг друга, были непосредственно связаны благодаря дантовским интерпретациям Шевырева, который транслировал свою позицию в лекциях, личных беседах и публикациях. В этой связи интересно посмотреть, как был описан Шевыревым эпизод встречи Данте с Белаквой у подножия Чистилища, где обитают Ленивые, и как это описание, возможно потом изложенное еще и устно (в разговорах с Гоголем и во время чтения лекций студентам), отразилось в текстах Гончарова и Гоголя. Конечно, это был уже другой социально-исторический и национальный материал, обоих писателей интересовал современный человек, а именно русский помещик, но истоки его духовной проблемы были сформулированы еще Данте.

Итак, у С.П. Шевырева о Белакве читаем:

На первом уступе встречают путников *Ленивые*. Они покоятся в тени горы, в Итальянском *dolce far niente*, и ждут чужих молитв, чтобы войти в гору. Один из них сидит на земле, руками охватил колена и склонил лицо промеж них: живописный образ лени! [Шевырев: 160].

Эта картина точно запомнилась Гончарову-студенту и была использована им при создании знаменитой голубиной позы Обломова. Ольга однажды упрекнет героя: «Ты кроток, честен, Илья; ты нежен... как голубь; ты прячешь голову под крыло — и ничего не хочешь больше» [Гончаров 1998: 370]. А в момент окончательного прощания Обломова и Штольца в четвертой части романа эта поза будет пластически воспроизведена, хотя и несколько адаптировано — Обломов просто закрывает лицо руками [Гончаров 1998: 483], т. е. собственно склоняет голову, близко к тому, как это описано у Данте¹.

И сама сцена прощания буквально один в один передает разговор Данте и Белаквы, как он представлен в пересказе Шевырева. Поэт, поясняет ученый, изобразил своего знакомца «Белакву, известного в жизни этим свойством (леностью. — И. Б.). Он сердится на замечание Данта о его медлени и говорит ему совершенно итальянским простонародным выражением: карабкайся сам, коль ты силен!» [Ше-

¹ «А тот и вовсе руками колени / Обхватил и в них спрятал свое личко / И прислонился к каменной ступени» [Данте: 204].

вырев: 160]. В последних словах Обломова, в сцене его прощания со Штольцем, с которым герой Гончарова, как и Белаква с Данте, откажется идти вперед, трудно не увидеть сходство с последней репликой Белаквы в переложении Шевырева. «Ах, Андрей, все я чувствую, все понимаю: мне давно совестно жить на свете! Но не могу идти с тобой твоей дорогой, если б даже захотел... Может быть, в последний раз было еще возможно. Теперь... (он опустил глаза и промолчал с минутой) теперь поздно... Иди и не останавливайся надо мной» [Гончаров 1998: 482]. На настойчивые просьбы Штольца пойти с ним к Ольге и к свету Обломов ответит «умоляющим голосом»: «Оставь меня совсем... забудь...» [Гончаров 1998: 483]. Он, как и Балаква, не видит смысла в восхождении.

Для гоголевского Тентетникова характерной позой, передающей «образ лени», станет неподвижное сидение у окна — «барин сидел у окна и все видел» [Гоголь 1951: 10], которая пластически схожа с дантовской позой Белаквы и голубиной позой Обломова. И даже после некоторого волнения, внесенного в жизнь Тентетникова внезапно приехавшим к нему Чичиковым, когда вдруг герой пришел в какое-то движение — «Тентетников пришел в такое волнение духа, какого давно не испытывал. Весь этот ржавый и дремлющий ход его мыслей превратился в деятельно-беспокойный. Возмущенье нервическое обуяло вдруг всеми чувствами доселе погруженного в беспечную лень байбака. То садился он на диван, то подходил к окну, то принимался за книгу, то хотел мыслить» [Гоголь 1951: 35–36], — он опять погрузился в привычное свое состояние сидения у окна. «“Странное состоянье!” сказал он и придвинулся к окну глядеть на дорогу, прорезавшую дуброву, в конце которой еще курилась не успевшая улечься пыль» [Гоголь 1951: 36]. Белаква, как собственно и другие персонажи «Божественной Комедии», кроме самого Данте, обречен на вечное пребывание в своем круге и потому на вечное сидение, поскольку архитектоника книги (как и структура Вселенной у Данте) не предполагает перехода грешника на иной уровень. У Гоголя, конечно, Тентетников волен встать и идти, но он — не идет.

Обломов и Тентетников неотделимы от своих, аллегорических по сути, пластических воплощений, передающих леность, нерадение, байбачество, за которыми видятся и характерологические черты, свойственные именно этим персонажам и конкретной социальной

эпохе, но также и родовые, универсальные, имеющие вневременное значение¹.

В истории Белаквы, рассказанной Данте, интересна ситуация, когда человека, не решающегося на нужный для спасения шаг, пытается призвать к действию его друг. Возникает мотив помощи, поддержки со стороны, хотя все в итоге оказывается тщетным. В диалоге Данте и Белаквы ощутимы отголоски прежних споров двух приятелей о необходимости стремления, которые в контексте их последней встречи в предчистище имеют прямое значение — они свидетельствуют о готовности обоих к спасению своей души. Нужно сказать, что в пересказе Шевырева спор Данте и Белаквы опущен. Упомянуто только, что Данте делает другу замечание по поводу того, что тот медлит. Но как таковой спор в пересказе присутствует имплицитно, есть на него указание. В «Мертвых душах» и в «Обломове» ситуация спора героя деятельного и героя, погруженного в «медление», очень важна. Она, как и у Данте, определяет меру ответственности ленивого героя за спасение своей души и степень возможности его спасения в принципе. У Гончарова она выдержана в трагическом ключе, а у Гоголя — в комическом, что несколько не умаляет серьезного духовного подтекста.

Напомним, что гоголевский Чичиков приезжает к Тентетникову, с которым прежде он не был знаком². Формально его трудно считать учителем или другом, но любопытно, что в Чичикове Тентетников признает человека как будто немножко знакомого, перестает его бояться, высказывает даже «всякую готовность споспешествовать во всем» [Гоголь 1951: 27], и в его доме происходит как будто даже какое-то «преобразование», да так, что «половина его, дотоле пребывавшая в слепоте, с заколоченными ставнями, вдруг прозрела и озарилась» [Гоголь 1951: 28]. За явной иронией фразы и последующих за ней подробностей читатель не должен исключать и прямого значения. Чичиков вносит в жизнь Тентетникова какой-то новый смысл, какой когда-то ей придавал его любимый учитель Александр Петрович, после смерти которого все у Тентетникова остановилось и некому было сказать ему «всемогущее слово *вперед*» [Го-

¹ Они восходят в том числе к христианскому пониманию лениности как одного из семи смертных грехов.

² Мы говорим, безусловно, о незавершенном тексте, о тех фрагментах второго тома «Мертвых душ», которые увидели свет в 1855 г.

голь 1951: 23]. Чичиков, сам того, возможно, и не желая, подталкивает Тентетникова к какому-то движению. Изучив его хозяйство, «езде побывав» и со всеми «перетолковав», узнав «обо всем, и что и как, и каким образом хозяйство идет», он «думал внутренне: “Какая, однако же, скотина Тентетников! Такое имение и этак запустить. Можно бы иметь пятьдесят тысяч годового доходу!”» [Гоголь 1951: 31]. И в какой-то мере Чичиков начинает, пусть и в своих целях, пробивать дорогу к сонной и нерадивой натуре Тентетникова. Он говорит о необходимости иметь тому «подругу жизни» [Гоголь 1951: 33], а читатель узнает об истории любви Тентетникова к Улиньке Бетрищевой, которая могла изменить весь его мир и уклад, но не изменила, потому что любовь закончилась едва начавшись. Справедливости ради стоит сказать, что в первом издании второго тома «Мертвых душ» глава о Тентетникове завершалась комментарием, который был сделан на основании сведений, имевшихся как раз у Шевырева, о планах Гоголя по поводу пробуждения своего героя. В них намечалась «помолвка Улиньки за Тентетникова» [Гоголь 1951: 424]. Чичиков также в качестве некоего жизненного стимула предлагает Тентетникову помириться с соседом, генералом Бетрищевым, отцом Улиньки. В ранних редакциях об этом сказано определенно как о важном деле: «Но расставаться навсегда из пустяка, — помилуйте, на что же это похоже? Как же оставлять дело, которое только что началось? Если уже избрана цель, так тут уже нужно идти напролом» [Гоголь 1951: 158]. Словом, примирение с генералом Бетрищевым — один из необходимых шагов к выходу из байбаческого сна. Так полагает Чичиков.

Но Тентетников так не считает, он оскорблен (генерал обращался к нему на «ты») и не только отказывается ехать к соседу, но и искренне не видит дальнейшей возможности сближения с ним, а значит и с Улинькой, которая могла стать для него путеводительницей и спасительницей. Вот фрагмент разговора Чичикова с Тентетниковым, который свидетельствует о тупиковой позиции последнего:

- В таком случае, я так поеду к генералу.
- Зачем? — спросил Тентетников, смотря в недоумении ему в глаза.
- Засвидетельствовать почтение.
- Странный человек этот Чичиков! — подумал Тентетников.
- Странный человек этот Тентетников! — подумал Чичиков [Гоголь 1951: 35].

Может показаться, что этот диалог — лишь комическое свидетельство непонимания гоголевских персонажей. Но если взглянуть не него сквозь призму разговора Данте и Белаквы, то можно увидеть нежелание Тентетникова сделать решительный шаг вперед, т. е. своего рода вариацию *ленивой* позиции Белаквы.

Тентетников, как и Белаква, склонен находить весомые объяснения своему недеянию. Например, герой растолковывает Чичикову, отчего он столь обижен за обращение генерала к нему на «ты», хотя простил бы это другому:

Если бы он был старик, бедняк, не горд, не чванлив, не генерал, я бы тогда позволил ему говорить мне *ты* и принял бы даже почтительно.

«Он совсем дурак», подумал про себя Чичиков: «оборвышу позволить, а генералу не позволить!» — «Хорошо!» сказал он вслух: «положим, он вас оскорбил, зато вы и поквитались с ним: он вам, и вы ему. Ссориться, оставляя личное, собственное, — это, извините... Если уже избрана цель, уж нужно идти напролом. Что глядеть на то, что человек плюется! Человек всегда плюется: он так уж создан. Да вы не отыщете теперь во всем свете такого, который бы не плевался».

«Странный человек этот Чичиков!» — думал про себя в недоумении Тентетников, совершенно озадаченный такими словами.

«Какой, однако же, чудака этот Тентетников!» — думал, между тем, Чичиков [Гоголь 1951: 34].

Белаква тоже объясняет свою позицию бездействия, нежелания подниматься на Чистилищную гору тем, что все бессмысленно. И его друг Данте тоже в какой-то мере кажется ему странным — тем, что идет. Белаква бросает своему собеседнику такую фразу, которая указывает на то, что это реплика в давнем споре двух приятелей, хорошо знавших друг друга, не случайно Данте говорит Вергилию: «Его узнал я вмиг». «Теперь ты понял, что все коловратно / И солнце путь свой слева жает глазу» [Данте: 205]¹. Что значит в этом монологе Белаквы «теперь» (в итальянском этот смысл передается грамматически) как не

¹ Оригинальный текст: «Conobbi allor chi era, <...> / e poscia // ch'а lui fui giunto, alzò la testa a pena, / dicendo: "Hai ben veduto come il sole da l'omero sinistro il carro mena?"» (Purgatorio. Canto IV) [Dante 1933: 115, 117–120].

ответ на иную позицию своего собеседника. Об этом же свидетельствуют и другие слова: «Эх, брат, что толку рваться к мукам, маясь? / Ангел Господень стережет ворота. // Кругов опишут небеса, вращаясь, / Столько, пока я здесь, сколько при жизни, / Затем, что жил не каюсь (умер — каюсь) [Данте: 205]. Белаква обращается к Данте как к давно знакомому и близкому человеку, сообщает ему свои горькие и выстраданные убеждения. Он действительно считает, что ему не суждено уже что-то изменить в той данности, в которой он пребывает. Так и Тентетников не верит в возможность иной, новой жизни для себя, да и то, куда зовет Чичиков, ему явно не по душе.

Все это вместе очень созвучно тому диалогу, который происходил между Обломовым и Штольцем во время их последней встречи на Выборгской стороне. Они и раньше много спорили. Еще во второй части романа Обломов высказал другу свои мысли о том, что ему «не нравится <...> эта ваша петербургская жизнь», потому что она представляет собой «вечную беготню взапуски, вечную игру дрянных страстишек, особенно жадности, перебиванье друг у друга дороги, сплетни, пересуды, щелчки друг другу» [Гончаров 1998: 172]. Эта жизнь, по его мнению, и есть состояние смерти:

Свет, общество! Ты, верно, нарочно, Андрей, посылаешь меня в этот свет и общество, чтоб отбить больше охоту быть там. Жизнь: хороша жизнь! Чего там искать? интересов ума, сердца? Ты посмотри, где центр, около которого вращается всё это: нет его, нет ничего глубокого, задевающего за живое. Всё это мертвецы, спящие люди, хуже меня, эти члены света и общества! Что водит их в жизни? Вот они не лежат, а спуют каждый день, как мухи, взад и вперед, а что толку? Войдешь в залу и не налюбуйешься, как симметрически рассажены гости, как смиренно и глубокомысленно сидят — за картами. Нечего сказать, славная задача жизни! Отличный пример для ищущего движения ума! Разве это не мертвецы? Разве не спят они всю жизнь сидя? Чем я виноватее их, лежа у себя дома и не заражая головы тройками и валетами? [Гончаров 1998: 173].

А Штольц резонно заметит: «Это все старое, об этом тысячу раз говорили», «нет ли чего поновее?» [Гончаров 1998: 173], обозначая тем самым давнюю полемику, которую они вели. Тогда, во второй части романа, он предложил Обломову свою концепцию жизни, в которой

человек живет «для самого труда, больше ни для чего». «Труд — образ, содержание, стихия и цель жизни, по крайней мере моей, — уверял Штольц друга. — Вон ты выгнал труд из жизни: на что она похожа?» [Гончаров 1998: 182]. Спор этот остался неразрешимым, а его продолжение читатель может наблюдать в сцене прощания друзей, когда Штольц еще хочет увести Обломова из того как будто бы чудного мира Пшеницыной, в котором окончательно остановились сначала душа, а потом и сердце Обломова.

Штольц с изумлением поглядел на своего друга. Обломов покойно и решительно глядел на него.

— Ты погиб, Илья! — сказал он. — Этот дом, эта женщина... весь этот быт... Не может быть: едем, едем!

Он хватал его за рукав и тащил к двери.

— Зачем ты хочешь увезти меня? Куда? — говорил, упираясь, Обломов.

— Вон из этой ямы, из болота, на свет, на простор, где есть здоровая, нормальная жизнь! — настаивал Штольц строго, почти повелительно. — Где ты? Что ты стал? Опомнись! Разве ты к этому быту готовил себя, чтоб спать, как крот в норе? Ты вспомни всё...

— Не напоминай, не тревожь прошлого: не воротись! — говорил Обломов с мыслью на лице, с полным сознанием рассудка и воли. — Что ты хочешь делать со мной? С тем миром, куда ты влечешь меня, я распался навсегда; ты не спаяешь, не составишь две разорванные половины. Я прирос к этой яме больным местом: попробуй оторвать — будет смерть [Гончаров 1998: 482].

Этот последний диалог завершается уже цитированным выше признанием Обломова в том, что идти той дорогой, к которой призывает его друг (кстати, уже убедившийся в том, что смысл и содержание его жизни не труд, а любовь¹), он не может. «Если б даже захотел» [Гончаров 1998: 482], у него не получится это сделать. Как и Белаква, он это

¹ «Наблюдая сознательно и бессознательно отражение красоты на воображение, потом переход впечатления в чувство, его симптомы, игру, исход и глядя вокруг себя, подвигаясь в жизнь, он выработал себе убеждение, что любовь, с силою архимедова рычага, движет миром; что в ней лежит столько всеобщей, неопровержимой истины и блага, сколько лжи и безобразия в ее непонимании и злоупотреблении» [Гончаров 1998: 448].

знает наверняка, потому что какое-то важное время упущено и ничего уже невозможно вернуть. Он также может сказать: «...в срок кратчайший никак не спастись мне» [Данте: 205]¹.

Вот эта дантовская мысль, — что если «в срок» спастись не успеваешь (а ведь всегда есть повод так считать), то, стало быть, и нет надежды на спасение, и не стоит спасаться, — она реализовывалась в истории Тентетникова и Обломова, но уже в современной системе координат и в реалиях России.

Современный, к тому же обусловленный национальной спецификой материал, предполагал и типологическую общность в реализации сюжета о Белакве у Гоголя и Гончарова. Появились — халат, свидетельствующий о покое; помощник, или наставник в виде учителя или друга, руководителя по жизни², которую в одном случае выполняют Александр Петрович (учитель) и Чичиков (гость), в другом — Штольц, друг и в какой-то мере наставник и учитель, хотя и Обломов для него учитель не в меньшей степени. Здесь очевидна соотнесенность мотивов о не спасшемся Белакве и спасенном Данте. Последнего тоже сопровождает учитель, наставник, воплощающий собой Мудрость земную, согласно трактовке Шевырева [Шевырев: 150]. Но в случае с Данте результативность, если так можно сказать, в деле спасения с помощью Вергилия подкрепляется еще и высшим попечительством — помощью Мудрости Небесной, которая в «Божественной Комедии» персонафицирована в образе Беатриче, также согласно трактовке Шевырева [Шевырев: 162–163]. А вот в случае с Белаквой ситуация с «подругой жизни», которая чисто гипотетически могла бы выступить в качестве «благородного сердца» и «горню высь» смягчить «мольбами <...> живыми» [Данте: 205], явно отзывается недостатчей.

У Гоголя Тентетников сам отказывается от Улиньки, да и повествователь сомневается в том, что это было то самое спасительное чувство. «Одно обстоятельство чуть было не разбудило его, чуть было не произ-

¹ В оригинальном тексте та же мысль выражена несколько сложнее: речь идет о сердце Белаквы, которое, как он считает, едва ли что-то стоит на небесах и едва ли будет услышано: «...se orazione in prima non m'aita / che surga su di cuor che in grazia vi va: / l'altra che val, che 'n ciel non è udita?» (Purgatorio. Canto IV) (Курсив мой. — И. Б.) [Dante: 133–135].

² Традиционно в фигуре учителя усматриваются элементы Bildungsroman [см.: Краснощекова 2008].

вело переворота в его характере. *Случилось что-то похожее на любовь. Но и тут дело кончилось ничем*» (Курсив мой. — И. Б.) [Гоголь 1951: 23]. У Гончарова Ольга Ильинская¹, даже расставшись с Обломовым, продолжает думать о нем, переживать о его погубленной жизни, но сделать она уже ничего не может, это не в ее силах. Ольга, конечно, посылает своего супруга Андрея Ивановича Штольца вызволить Обломова из «бездны», но, как оказывается, поздно: «бездна открылась» [Гончаров 1998: 484]. Будучи еще живым, Обломов одновременно уже не живет: существует его тело, которое ест всласть и пьет вдоволь². Сопровождающий Ольгу мотив *Casta diva*, своего рода мотив надежды на пробуждение, мотив русской Беатриче, вытесняется деталями алиментарного плана. «Она споет “*Casta diva*”, — восторженно скажет Обломов Штольцу, — а водки сделать не умеет так! И пирога такого с цыплятами и грибами не сделает! Так пекли только, бывало, в Обломовке да вот здесь!» [Гончаров 1998: 436]. Узнав во время последней встречи о ребенке Обломова, Штолец понял, что изменить для его друга уже ничего невозможно, и это осознание равно признанию уже состоявшейся гибели героя, еще при жизни. Отсюда мортальная интонация в повествовании:

Теперь Штолец изменился в лице и ворочал изумленными, почти бессмысленными глазами вокруг себя. Перед ним вдруг «отверзлась бездна», воздвиглась «каменная стена», и Обломова как будто не стало, как будто он

¹ В исследовательской традиции нет устоявшегося мнения по поводу сближения образов Улиньки Бетрищевой и Ольги Ильинской. Сошлемся на одно из авторитетных суждений в этой связи: «Поэтический облик Ольги, особая аура света вокруг нее вызывают в памяти и гоголевскую Улиньку Бетрищеву, с которой связывались надежды на возрождение несчастного Тентетникова»; «Совпадения облика Ольги с этой героиней Гоголя столь поразительны, что, помня о времени публикации глав второго тома “Мертвых душ” (1855), стоит, возможно, задуматься и о влиянии» [Краснощечкова 1998: 296]. От себя добавим, что вопрос о влиянии мы бы поставили в данном случае только в связи с Данте и ввиду посредничества Шевырева.

² Об алкогольных мотивах в «Обломове» см.: [Ларин 2012]. «В ряду “медицинских” причин, спровоцировавших апоплексический удар и ускоривших гибель Ильи Ильича, пристрастие героя к алкоголю в 4-й части оказывается едва ли не главной», — полагает исследователь [Ларин 2012: 214–215].

пропал из глаз его, провалился, и он только почувствовал ту жгучую тоску, которую испытывает человек, когда спешит с волнением после разлуки увидеть друга и узнает, что его давно уже нет, что он умер. — Погиб! — машинально, шепотом сказал он. — Что ж я скажу Ольге? [Гончаров 1998: 483].

В любом случае, ни Ольга, ни Агафья Матвеевна (а в ней, помимо свойств коварной сказочной Милитрисы Кирбитьевны, есть начало и чистой женской красоты) не справились с ролью Беатриче. Но тут еще важно другое: Обломов, как и Белаква, надеется на чужие молитвы, на личное спасение, которое зависит не от него самого, а от других, в том числе от любящей женщины. И именно этим и отличается по большому счету Белаква от призывающего его к восхождению Данте: готовностью *лично* взбираться вверх, «по ступеням». Ведь за человека никто не может пройти его путь, и даже самые сильные помощники — они только помощники, но идет он сам.

Тем не менее важно, чтобы такой императив — идти поступательно вверх — был герою обозначен. Он становится своего рода обязательным атрибутом Белаквы. «Теперь или никогда» — так он представлен у Гончарова, у Гоголя — «это бодрящее слово: *вперед*, которого жаждет повсюду на всех ступенях стоящий, всех сословий и званий и промыслов, русской человек» [Гоголь 1951: 23]. Интересно, что в истории спасения Данте такой императив исходит от Беатриче, Вергилий же только выполняет ее волю, хотя тоже все время торопит и побуждает своего ученика к движению, а вот в случае с Белаквой — от друга. Поэтому, будучи зеркальными, эти две истории о состоявшемся и несостоявшемся спасении принципиально разнятся в одном важном его элементе — в происхождении императива.

В свете общего для повествования о Тентетникове и Обломове источника, каким можно считать эпизод с Белаквой в интерпретации Шевырева, их удивительное сходство уже не представляется столь невероятным и необъяснимым, а вопрос о влиянии приобретает определенность в виде единого для Гоголя и Гончарова претекста — «Божественной Комедии». Напрямую же друг с другом их сочинения не связаны.

Несколько иная картина складывается вокруг другого ленивого помещика, а именно тургеневского Лаврецкого¹. Хотя вроде бы ленивым

¹ В статье Л. А. Сапченко тема русского помещика в «Дворянском гнезде» рассматривается в рамках традиционных мотивов и сюжетных

Лаврецкого сложно назвать. Он вполне активен и деятелен, не домосед, а странствователь (он только что приехал из Европы), — но это было ровно в той поре его жизни, которая предшествовала тридцатипятилетию (дантовская «половина жизни»), когда он, после перенесенных переживаний и разочарований, попадает в свое имение. Для него начинается жизнь помещика, которая ему не интересна — потому что уже не интересна и жизнь вообще. Деятельный, почти фаустовского типа герой, вдруг понимает, что он не видит смысла в какой-либо деятельности. И вот тут перед Лаврецким возникает наставник, роль которого в «Дворянском гнезде» выполняет его студенческий приятель Михалевич. Он и произносит важное для героя слово «вперед», а если быть точнее, он говорит о том, что «когда же, где же вздумали люди обайбачиться? <...> У нас! теперь! в России! когда на каждой отдельной личности лежит долг, ответственность великая перед Богом, перед народом, перед самим собою! Мы спим, а время уходит; мы спим...». В конце Михалевич произносит три важных слова, которые «неотразимо вошли в душу» Лаврецкому: «религия, прогресс, человечность» [Тургенев: 77, 79]. И вместе со спасительным присутствием Лизы в жизни Лаврецкого все это производит удивительное действие: герой понимает, что ему нужно выйти из состояния байбаческого сна и начать жить: «пахать землю <...> и стараться как можно лучше ее пахать» [Тургенев: 102].

Известно, что у Гончарова были вопросы к Тургеневу по поводу неправомерных заимствований, но третейский суд увидел сходство между планом «Обрыва» (роман «Обломов» и вовсе не имелся в виду) и романами Тургенева «Дворянское гнездо» и «Накануне» лишь на уровне «общей почвы». Однако характер претензий Гончарова к Тургеневу указывает на их дантовскую подоснову [см.: Беляева 2021]. Он был возмущен тем, что важнейшие элементы его романного здания, а среди них вполне дантовский мотив новой жизни («ростки новой жизни на развалинах старой»), были использованы Тургеневым на свой лад, сыграны «на своей лире» [Гончаров 1955: 344], т. е. не так, как предпола-

ситуаций: «учение в университете, поездка за границу, возвращение в родное поместье, изгнание управляющего, <...> занятия хозяйством, полемика с идейным оппонентом — Паншиным», «принципиальное место отведено в романе теме “дела” как долга русского помещика» [Сапченко 2019: 113]. Однако важнейший мотив пробуждения героя от байбаческого сна и утверждение в новой жизни не входит в поле исследовательского интереса.

гал сам Гончаров. Добавим также, что в «Дворянском гнезде» Тургенев показал героя в сходной духовно-проблемной ситуации, что и гончаровский Обломов. Но если у Гончарова проснуться суждено только Райскому в «Обрыве» — не случайно он именуется «проснувшимся Обломовым» [Гончаров 1955: 82], — то Тургенев сразу же пробудил своего русского Белакву от окаменелого сна, соединив две линии — спасенного Данте и его неспасенного ленивого приятеля.

Дантовский вектор «Дворянского гнезда» свидетельствует об определенном интересе Тургенева к романным идеям именно Гончарова, о гоголевском влиянии, вполне хронологически возможном, мы бы здесь не стали говорить. А вот Гончарова можно рассматривать как своего рода посредника в тургеневской рецепции дантовских образов.

Итак, история о Балакве, или о личном неспасении, на русской почве в середине XIX в. обрела координаты повествования о ленивом помещике. У Данте это маленький, но запоминающийся эпизод, аллегория нерадивости, противопоставленная постепенному восхождению по ступеням главного героя. У Гоголя и Гончарова перед читателями предстают истории помещиков, которые не просто ленятся хозяйствовать — они так и не решаются вступить в бой за свою душу и обречены на своего рода «духоугашение» [Ильин 2012: 325]. Едва ли не первым примером решившегося на восхождение по ступеням русского Белаквы станет тургеневский Лаврецкий, а сам роман в год его появления в печати не случайно будет расцениваться критиками как книга, побеждающая смерть и утверждающая возможность новой жизни.

Список литературы

Источники

- Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.; Л.: АН СССР, 1951. Т. 7. 434 с.
- Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.; Л.: АН СССР, 1952. Т. 11. 484 с.
- Григорович Д. В. Литературные воспоминания. Л.: АКАДЕМИА, 1928. 515 с.
- Гончаров И. А. Необыкновенная история: (Истинные события) / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н. Ф. Будановой // И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. С. 184–304.
- Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. СПб.: Наука, 1998. Т. 4. 496 с.
- Гончаров И. А. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1977–1980.
- Гончаров И. А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. М.: Худож. лит., 1955. С. 64–113.
- Данте Алигьери. Божественная Комедия / пер. А. А. Илюшина. М.: Дрофа, 2014. 622 с.

Письма И. А. Гончарова к Елизавете Васильевне Толстой // *Голос минувшего*. 1913. № 11. С. 215–235.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1981. Т. 6. 495 с.

Шевырев С. П. Полн. собр. литературно-критических трудов: в 7 т. СПб.: Росток, 2020. Т. 2. Кн. 1. 688 с.

Alighieri D. *La Divina Commedia*. Bari: Gius. Laterza & Figli Tipografi-Editori-Librai, 1933. 348 p.

Исследования

Беляева И. А. И. А. Гончаров-романист: дантовские параллели. М.: МГПУ, 2016. 216 с.

Беляева И. А. Данте как скрытая причина спора: к вопросу о конфликте И. А. Гончарова с И. С. Тургеневым // *Филологический класс*. 2021. Т. 26. № 1. С. 190–205. <https://doi.org/10.51762/1FK-2021-26-01-16>

Беляева И. А. Из истории русской дантеаны: о переводе «Божественной Комедии» на русский язык Е. В. Кологривовой // *Поэзия филологии. Филология поэзии*. Тверь: Изд. А. Н. Кондратьев, 2020. Вып. 3. С. 52–63.

Беляева И. А. «Странные сближения»: Гончаров и Данте // *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*. 2007. Т. 66. № 2. С. 23–38.

Виноградов И. А. «Лишние люди» в русской литературе: слово Гоголя // *Studia Litte-rarum*. 2019. Т. 4, № 3. С. 188–209. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2019-4-3-188-209>

Гольденберг А. Х. «Гоголь и Данте» как современная научная проблема // *Данте Алигьери: pro et contra. Личность и наследие Данте в оценке русских мыслителей, писателей, исследователей*. Т. 2. СПб.: РХГА, 2019. С. 547–559.

Гродецкая А. Г., Гуськов С. Н., Калинина Н. В., Орнатская Т. И., Отрадин М. В., Романова А. В., Туниманов В. А. Обломов: Роман в четырех частях. Примечания // *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. СПб.: Наука, 2004. Т. 6. С. 5–610.

Гуськов С. Н. Гончаров и Гоголь: об одном парадоксе в истории текста «Обломова» // *Обломов: константы и переменные: сб. науч. ст.* СПб.: Нестор-История, 2011. С. 124–132.

Ильин В. Н. Продолжение «Мертвых душ» у Гончарова // *Мастер русского романа: И. А. Гончаров в литературной критике русского зарубежья*. М.: Центр книги Рудомино, 2012. С. 322–361.

Калинина Н. В. Дантовы координаты романа «Обрыв» // *Русская литература*. 2012. № 2. С. 67–80.

Краснощечкова Е. А. И. А. Гончаров: Мир творчества. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. 496 с.

Краснощечкова Е. А. Роман воспитания — Bildungsroman — на русской почве: Карамзин. Пушкин. Гончаров. Толстой. Достоевский. СПб.: Пушкинский фонд, 2008. 480 с.

Ларин С. А. «Нарушение воли» (К функции алкогольных мотивов в романе И. А. Гончарова «Обломов») // *Гончаров: живая перспектива прозы*. Szombathely: University of West Hungary Press, 2012. С. 213–229. (Bibliotheca Slavica Savariensis. Т. XIII).

Манн Ю. В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М.: Coda, 1996. 474 с.

Манн Ю. В. «Истинно лишний человек» (Заметки о типологии характера) // Манн Ю. В. Тургенев и другие. М.: РГГУ, 2008. С. 13–29.

Мельник В. И. И. А. Гончаров и Данте: вопросы поэтики // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 4. С. 58–79. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-4-58-79>

Мельник В. И. Гончаров и православие: Духовный мир писателя. М.: Дарь, 2008. 544 с.

Мельник В. И. Проблема романной трилогии И. А. Гончарова и его конфликт с И. С. Тургеневым // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 17–28. <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2020-2-21-17-28>

Мошонкина Е. Н. Переводческая рецепция «Божественной Комедии» в XIX в. в России и во Франции: попытка сопоставительного анализа // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2013. № 3. С. 110–121.

Недзвецкий В. А. И. А. Гончаров — романист и художник. М.: МГУ, 1992. 176 с.

Сапченко Л. А. Обломов как помещик // И. А. Гончаров. Материалы Международной научной конференции, посвященной 195-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск: Ника-дизайн, 2008. С. 119–128.

Сапченко Л. А. Русский помещик (К типологии литературного героя) // Десять Гоголевских чтений. Н. В. Гоголь и русская литература. К 200-летию со дня рождения писателя. М.: Фестпартнер, 2010. С. 120–127.

Сапченко Л. А. Русский помещик Лаврецкий // Гоголь и пути развития русской литературы: сб. научных статей по материалам Международной научной конференции. К 200-летию И. С. Тургенева. Восемнадцатые Гоголевские чтения. М.; Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2019. С. 108–114.

Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. М.: АН СССР, 1950. 492 с.

Чуйко В. В. Иван Александрович Гончаров. Опыт литературной характеристики // Наблюдатель. 1991. № 12. С. 109–127.

References

Beliaeva, I. A. I. A. *Goncharov-romanist: dantovskie paralleli* [I. A. Goncharov as a Novelist: Dante's Parallels]. Moscow, Moscow State Pedagogical University Publ., 2016. 214 p. (In Russ.)

Beliaeva, I. A. “Dante kak skrytaia prichina spora: k voprosu o konflikte I. A. Goncharova s I. S. Turgenevym” [“Dante as a Hidden Reason for Dispute: To the Issue of the Conflict Between I. A. Goncharov and I. S. Turgenev”]. *Filologicheskii klass*, vol. 26, no. 1, 2021, pp. 190–205. <https://doi.org/10.51762/1FK-2021-26-01-16> (In Russ.)

Beliaeva, I. A. “Iz istorii russkoi danteany: o perevode ‘Bozhestvennoi Komedii’ na russkii iazyk E. V. Kologrivovoi” [“From the History of Russian Danteana: On the Translation of the ‘Divine Comedy’ into Russian by E. V. Kologrivova”]. *Poeziia filologii. Filologiya poezii* [Poetry of Philology. Philology of Poetry], vol. 3. Tver, A. N. Kondratiev Publ., 2020, pp. 52–63. (In Russ.)

Beliaeva, I. A. “‘Strannye sblizheniia’: Goncharov i Dante” [“‘Strange Encounters’: Goncharov and Dante”]. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i iazyka*, vol. 66, no. 2, 2007, pp. 23–38. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “‘Lishnie liudi’ v russkoi literature: slovo Gogolia” [“Superfluous Men’ in Russian Literature: Gogol’s View”]. *Studia Litterarum*, vol. 4, no. 3, 2019, pp. 188–209. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2019-4-3-188-209> (In Russ.)

Goldenberg, A.Kh. “Gogol’ i Dante’ kak sovremennaia nauchnaia problema” [“Gogol and Dante’ as a Modern Scientific Problem”]. *Dante Aligheri: pro et contra. Lichnost’ i nasledie Dante v otsenke russkikh myslitelei, pisatelei, issledovatelei* [Dante Alighieri: Pro et Contra. The Personality and Legacy of Dante in the Assessment of Russian Thinkers, Writers, Researchers], vol. 2. St. Petersburg, Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2019, pp. 547–559. (In Russ.)

Grodetskaia, A. G., S. N. Gus’kov, N. V. Kalinina, T. I. Ornatskaia, M. V. Otradin, A. V. Romanova, and V. A. Tunimanov. “Obломov: Roman v chetyrekh chastiakh. Primechaniia” [“Obломov: A Novel in Four Parts. Comments”]. Goncharov, I. A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 t.* [Complete Works and Letters in 20 vols.], vol. 6. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, pp. 5–610. (In Russ.)

Gus’kov, S. N. “Goncharov i Gogol’: ob odnom paradokse v istorii teksta ‘Obloмова.’” [“Goncharov and Gogol: About One Paradox in the History of the Text ‘Obloмова.’”] *Obломov: konstanty i peremennye: sbornik nauchnykh statei* [Obломov: Constants and Variables. Collection of Scientific Articles]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2011, pp. 124–132. (In Russ.)

Il’in, V. N. “Prodolzhenie ‘Mertvykh dush’ u Goncharova” [“Continuation of ‘Dead Souls’ by Goncharov”]. *Master russkogo romana: I. A. Goncharov v literaturnoi kritike russkogo zarubezh’ia* [Master of the Russian Novel: I. A. Goncharov in Literary Criticism of Russian Diaspora]. Moscow, Tsentr knigi Rudomino Publ., 2012, pp. 322–361. (In Russ.)

Kalinina, N. V. “Dantovy koordinaty romana ‘Obryv.’” [“Dante’s Coordinates of the Novel ‘The Escape.’”] *Russkaia literatura*, no. 2, 2012, pp. 67–80. (In Russ.)

Krasnoshchekova, E. A. I. A. *Goncharov: Mir tvorchestva*. [I. A. Goncharov: The World of Creativity]. St. Petersburg, Pushkinskii fond Publ., 1997. 496 p. (In Russ.)

Krasnoshchekova, E. A. *Roman vospitaniia — Bildungsroman — na russkoi pochve: Karamzin. Pushkin. Goncharov. Tolstoi. Dostoevskii*. [A Novel of Education — Bildungsroman — on Russian Soil: Karamzin. Pushkin. Goncharov. Tolstoy. Dostoevsky]. St. Petersburg, Pushkinskii fond Publ., 2008. 480 p. (In Russ.)

Larin, S. A. “‘Naruszenie voli’ (K funktsii alkogol’nykh motivov v romane I. A. Goncharova ‘Oblomov’)” [“‘Violation of Will’ (On the Function of Alcoholic Motifs in I. A. Goncharov’s Novel ‘Oblomov’)”]. *Goncharov: zhivaia perspektiva prozy* [Goncharov: A Living Perspective of Prose]. Szombathely, University of West Hungary Press, 2012, pp. 213–229. (Bibliotheca Slavica Savariensis. Vol. XIII). (In Russ.)

Mann, Iu. V. *Poetika Gogolia. Variatsii k teme* [Gogol’s Poetics. Variations on a Theme]. Moscow, Coda Publ., 1996. 474 p. (In Russ.)

Mann, Iu. V. “‘Istinno lishnii chelovek’ (Zametki o tipologii kharaktera)” [“‘A Truly Superfluous Person’ (Notes on the Typology of Character)”]. Mann, Iu. V. *Turgenev i drugie* [Turgenev and Others]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2008, pp. 13–29. (In Russ.)

Meľnik, V. I. “I. A. Goncharov i Dante: voprosy poetiki” [“I. A. Goncharov and Dante: Questions of Poetics”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 3, no. 4, 2021, pp. 58–79. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-4-58-79> (In Russ.)

Meľnik, V. I. *Goncharov i pravoslavie: Dukhovnyi mir pisatel’ia* [Goncharov and Orthodoxy: The Spiritual World of the Writer]. Moscow, Dar” Publ., 2008. 544 p. (In Russ.)

Meľnik, V. I. “Problema romannoï trilogii I. A. Goncharova i ego konflikt s I. S. Turgenevym” [“The Problem of Novel Trilogy of I. A. Goncharov and His Conflict with I. S. Turgenev”]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik*, no. 2 (21), 2020, pp. 17–28. <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2020-2-21-17-28> (In Russ.)

Moshonkina, E. N. “Perevodcheskaia retseptsiia ‘Bozhestvennoi Komediï’ v XIX v. v Rossii i vo Frantsii: popytka sopostavitel’nogo analiza” [“Translation Reception of the ‘Divine Comedy’ in the 19th Century in Russia and France: An Attempt at Comparative Analysis”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 22. Teoriia perevoda*, no. 3, 2013, pp. 110–121. (In Russ.)

Nedzvetskii, V. A. *I. A. Goncharov — romanist i khudozhnik* [I. A. Goncharov as a Novelist and Artist]. Moscow, Moscow State University Publ., 1992. 176 p. (In Russ.)

Sapchenko, L. A. “Oblomov kak pomeshchik” [“Oblomov as a Landowner”]. *I. A. Goncharov. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 195-letiiu so dnia rozhdeniia I. A. Goncharova* [I. A. Goncharov. Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 195th Anniversary of the Birth of I. A. Goncharov]. Ulyanovsk, Nika-dizain Publ., 2008, pp. 119–128. (In Russ.)

Sapchenko, L. A. “Russkii pomeshchik (K tipologii literaturnogo geroia)” [“Russian Landowner (Toward the Typology of a Literary Character)”]. *Deviatye Gogolevskie chteniia. N. V. Gogol’ i russkaia literatura. K 200-letiiu so dnia rozhdeniia pisatel’ia* [Ninth Gogol Readings. N. V. Gogol and Russian Literature. To the 200th Anniversary of the Writer’s Birth]. Moscow, FestsPartner Publ., 2010, pp. 120–127. (In Russ.)

Sapchenko, L. A. “Russkii pomeshchik Lavretskii” [“Russian Landowner Lavretsky”]. *Gogol’ i puti razvitiia russkoi literatury. Sbornik nauchnykh statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. K 200-letiiu I. S. Turgeneva. Vosemnadtsatye Gogolevskie*

Русская литература XVIII–XIX столетий
И. А. Беляева. Русские отражения истории о Белакве:
Тентетников, Обломов, Лаврецкий

chtenia [*Gogol and the Ways of Development of Russian Literature. Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the International Scientific Conference. To the 200th Anniversary of I. S. Turgenev. Eighteenth Gogol Readings*]. Moscow, Novosibirsk, Novosibirsk Publishing House, 2019, pp. 108–114. (In Russ.)

Tseitlin, A. G. *I. A. Goncharov* [*I. A. Goncharov*]. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1950. 492 p. (In Russ.)

Chuiko, V. V. “Ivan Aleksandrovich Goncharov. Opyt literaturnoi kharakteristiki” [*Ivan Aleksandrovich Goncharov. The Experience of Literature Characteristic*]. *Nabliudatel'*, no. 12, 1991, pp. 109–127. (In Russ.)